

Д.В. КРУТОЛАПОВ

Магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

РЕНЕ ГЕНОН КАК ПОСТМОДЕРНИСТ

В данной статье рассматривается традиционалистская концепция Рене Генона как проект, создающий предпосылки для становления постмодерна. Генон начинает традиционалистский проект как критику модерна с позиций мира традиции. Однако, для осуществления своей цели, Генону прибегает к реконструкции традиционных религий, вследствие чего формирует ситуацию равенства религиозных дискурсов, что является характерной чертой ситуации постмодерна

Ключевые слова: Генон, религия, традиция, традиционализм, постмодерн, модерн

D.V. KRUTOLAPOV

Graduate student

Saint-Petersburg state university

RENÉ GUÉNON AS A POSTMODERNIST

This article examines the traditionalist concept of René Guénon as a project that creates the prerequisites for the emergence of postmodernity. Guénon begins his traditionalist project as a critique of modern era from a traditionalist standpoint. However, to achieve his goal, Guénon resorts to reconstruction of traditional, religions, thereby forming a situation of equality of religious discourses, which is a characteristic feature of the postmodern situation

Keywords: Guénon, religion, tradition, traditionalism, postmodernity, modernity

Постмодерн – явление, строго очерченное в историческом процессе, однако, в истории философии существует фигура, которая прошла незамеченной для осмысления предпосылок становления постмодерна. Этой фигурой является французский философ Рене Генон, статус которого в современном философском дискурсе маргинален. Философская концепция традиционализма Генона работает с разметкой «модерн-традиция», французский мыслитель стремится вырваться за пределы модернистской парадигмы и постулирует её преодоление как цель, ввиду чего сама позиция

преодоления модерна может рассматриваться как третья позиция, альтернативная традиции и модерну, позиция. Генон создаёт традиционалистский проект с целью воссоздания традиционного знания, имеющего сверхчеловеческую, нерукотворную природу. Для того чтобы это осуществить, Генон начинает критику религиозных и псевдорелигиозных форм, от которых французский философ стремится отделить подлинное традиционное знание, однако, ввиду того что традиционная религиозная форма безнадежно утрачена, Генон сам прибегает к т.н. религиозному «конструктивизму», с которым борется. Подобная «ошибка», которую допускает французский мыслитель, создаёт предпосылки для появления постмодернистской парадигмы.

В ходе своих рассуждений Генон утверждает, что вся полнота истины бытия была явлена человеку лишь в традиционном знании. Это традиционное знание носит сверхчеловеческий характер и может быть получено лишь в рамках традиционных религий, к которым Генон причисляет конфуцианство, индуизм, даосизм, католицизм, ислам. По логике самого мира традиции, этим религиозным формам, несущим в себе традиционное знание, с течением времени свойственно вырождаться. Так, он даёт примеры буддизма как вырождающегося индуизма и протестантизма как вырождающегося католицизма. По мнению Генона, такие религиозные формы являются носителями сугубо человеческого, а не сверхчеловеческого знания. Развитие религий, согласно Р.Генону, возможно лишь по нисходящей линии, но буддизм и протестантизм лишь первые формы упадка традиционного знания. На смену им приходят спиритуализм, оккультизм, теософия и разнообразные религиозные секты. Конечной же стадией разложения знания, по Генону, являются материалистические и атеистические взгляды.

Для Р.Генона мир традиции самоценен, а знание, которое даёт традиция, имеет наивысшую и несомненную ценность. Оно метафизично и по своему духу полностью противоположно новоевропейскому пониманию знания. В современном мире для Р.Генона традиционному знанию уже практически нет места, но французский мыслитель желает сохранить от него те осколки, которые ещё можно признавать принадлежащими миру традиции. Традиционалистский проект Р.Генона заключается в поиске и консервации таких религиозных форм и изучении каждой из них в соотносённости с каждой из других традиционных религиозных форм, т.к. французский мыслитель подразумевает, что каждая отдельно взятая традиция является осколком самой первой, изначальной или примордиальной традиции.

Также Р.Генон в своих работах утверждает, что задача, которую перед собой ставит традиционализм – это воссоздание традиции. С другой стороны, традиционалистская аналитика стремится наиболее отчётливо провес-

ти отличие традиционных форм религии и знания от любых других форм, показать первичность мира и религиозного знания традиции по отношению ко всем остальным последующим религиозным формам. Генон показывает как традиционное знание постепенно исчезало и как появлялись религиозные формы, отпадающие от сверхчеловеческого источника, сконструированные лишь самим человеком.

В итоге вся история развития религий – это движение к атеизму, движение к отсутствию веры, к её нулю. Однако, за атеизмом (после пришествия атеизма в историю), направление развития религии не уткнулось в точку, на которой всё закончилось. В математике, если положительные величины встречают ноль, дальше него они приобретают отрицательное значение, и наоборот; в таком ключе оценивается и религия. Возможно появление анти-религии, отличной от атеизма, «негативной» религии и т.д.

Как традиционалист, Генон полагает, что домодерновый мир порождал самые разнообразные религиозные формы из-за богатства духовного содержания, которое тогда подразумевалось в избытке. В посттрадиционную же эпоху вернуться к вере практически невозможно. Ещё Ницше констатирует смерть Бога и наш глубокий и, возможно, неосознанный атеизм; при сохранении внешних атрибутов веры, остаётся лишь форма. Генон утверждает, что именно в современности достигается своего апогея секуляризация и отказ от духовных ценностей. Европейец, человек современности, становится неспособным заново обрести веру в рамках христианства, в противоположность этому мы видим многочисленные примеры того, как современный человек начинает увлекаться восточными учениями: буддизмом и индуизмом, а иногда этот список можно пополнить исламом.

То явление, которое в истории философии формализуется как вера, никогда не признавалось ни в одной из традиционных культур: вера не могла быть результатом свободного, условно разумного выбора, являясь, скорее обращением в веру, т.е. принятием религии вследствие приобщения к божественному как настоящему божественному. Сегодня обращаются к восточным традициям от обратного, например, человек может быть глубоко уверен в том, что христианство себя дискредитировало, а восточные религии ещё пребывают в относительной моральной чистоте. Такой человек считает, что каждая из восточных религий в равной степени претендует на статус истинной, отсюда на первый план выходят критерии удобства, красоты, логической связности сакральных текстов и любые другие критерии. В то время как на второй план в выборе религии отходит критерий истины как истины божественной, тогда как для традиционных культур такая современная постановка вопроса о религии звучит абсурдно.

Основной эффект изменения этого смысла состоит в том, что сегодня на первый план выходят внешние атрибуты религии. Если религию делает

религией её внешняя составляющая, т.е. её ритуалы и обряд, то возможно ли создавая свой ритуал и священный текст, т.е. только объявляя текст священным, приобщаться к божественной истине? Получается, современный взгляд на религию позволяет формально действовать в границах такой логики.

Подобный религиозный «конструктивизм» очень похож на происходящее в политеистических доавраамических религиях: так, древнеегипетский фараон Аменхотеп IV вводит культ единого бога Атона, который более поздние правители отменяют. 1 января 42 года до н.э. римский сенат реформирует римскую религию, провозглашая Цезаря богом. Также считается, что миф о рождении Уицилопочтли был создан ацтеками для того, чтобы обосновать своё превосходство над соседними племенами, примеров чему множество. Если сегодня мы относимся к религии как к выразителю некоей истины и можем свободно выбирать её по каким-либо внешним атрибутам, то прежде, т.е. в доавраамических верованиях, её не выбирали, однако, к каждой религиозной мифологии и каждой религиозной форме относились терпимо, из чего следовал тот факт, что за каждым верованием признавались равные притязания на истинность. Генон упоминает о подобной терпимости в традиционном обществе: «Китаец, который чувствует большое и, так сказать, естественное уважение ко всему, что принадлежит традиционному порядку вещей, всегда готов, оказавшись в другой стране, принять формы этой новой для себя традиции» [1; С. 33]. Также возможен и такой подход, заключающийся в том что рассмотрение верований через призму истинности или ложности до появления авраамических религий было невозможно.

Рассматривая религии и общества в ключе отношения к истинности/ложности и свободного выбора, для удобства можно подвести некоторый промежуточный итог, выделить несколько возможных этапов развития религий или ситуаций, в которых может пребывать религия:

I. Ситуация религии, считающей себя в равной степени истинной всем остальным возможным верованиям¹, члены которой считают естественным

¹ Точнее, такая религия полагает себя во всём (или по крайней мере в большинстве своих элементов) аналогичной другим религиям. Так, например, древние греки и римляне объясняли богов соседних народов через своих богов, легко прибегали к любым возможным параллелям и даже называли богов других народов именами своих богов. Подобным же образом

исповедовать только веру данную от рождения и не рассматривают как возможный вариант перехода в другую конфессию. Таковы доавраамические религии.

II. Ситуация религии, позиционирующей себя в качестве исключительной, в следствие чего появляется и даже становится необходимым вопрос о свободном выборе веры¹. Таковы авраамические религии.

III. Ситуация, когда религия перенимает у религии второго этапа отношение к возможности свободного выбора религии, но как и на первом этапе признаёт равную претензию на истинность за всеми религиями.

Но почему с верой происходят такие перемены? Третий этап крайне напоминает ситуацию постмодерна в понимании Жана-Франсуа Лиотара, в то время как первые два вполне укладываются в логику традиционного общества. Именно религия второго этапа, т.е. прозелитистская религия, делает возможным появление модерна как универсальной формы культуры, появляющейся вслед за универсальной формой религии. Постмодерн, в понимании Лиотара, характеризуется кризисом метанарративов: «Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [2; С. 10]. При рассмотрении религий, это означает что в обществе нет единой религиозной формы, она утрачивает претензию на свою исключительность и на универсальность.

С точки зрения безопасности, постмодернистское общество — это общество, в котором становятся безопасны и возможны любые варианты культуры. Общество традиции же — это общество, в котором возможна лишь единственная форма культуры поскольку любое отступление от изначальной и единственной формы культуры (традиции) мыслится опасным и угрожающим существованию самого общества. Однако, ни одно общество традиции не отрицает другое, но признаёт возможность иного рецепта традиции, появившегося в иных условиях, признавая опасным лишь переход между традициями.

на божеств соседней культуры смотрели также и древние ацтеки с майя. Другие политеистические верования также обладали подобным взглядом

¹ Вопрос о свободном выборе достаточно условен. В авраамических религиях такой вопрос поднимается скорее только для того чтобы обосновать исключительное право на истинность собственной религии. Это прозелитистские религии

Общество модерна, как и традиционные культуры, считает себя нашедшим рецепт безопасности, но полагает также и то, что лучшая и самая безопасная форма культуры найдена – это культура разума: она универсальна и «экспортируема» как и христианство. Культура разума универсальна и её в такой же степени можно «экспортировать», как и христианство. Естественно, культура модерна подразумевает, что его надо распространять, т.к. она является прозелитистской формой культуры и общества, подразумевающей неравенство.

Постмодерн же позволяет себе перебор самых разнообразных форм культуры, но как и традиционное общество, он подразумевает равную степень истинности любой формы культуры и религиозной традиции, но в отличие от мира традиции, общество постмодерна делает возможным выбор традиции. Генон пишет, что именно за традиционными обществами скрывается некая изначальная истина, примордиальная традиция или «традиция всех традиций». По Генону, за миром модерна никакой божественной мудрости и истины не стоит, поэтому, следует сделать выбор в пользу мира традиции. Но для того, чтобы выбрать традицию, следует выйти из ситуации иерархии различных религиозных дискурсов, оставаясь в ситуации возможности выбора традиций, а это осуществимо только в логике постмодерна.

Несмотря на это, Генон полагает любые смешения религиозных элементов крайне вредными для выражения божественной истины, содержащихся в самих религиозных традициях, но именно ситуация выбора традиций и их равные претензии (в том числе и с модерном) на истинность, подталкивают различные религиозные традиции к смешению между собой: теперь если мы выбираем веру (а не атеизм), то начинаем выбирать себе религию по внешним атрибутам, что с точки зрения людей, родившихся в рамках традиции, является анти-верой, абсурдом, формой безверия и крайним цинизмом. Возможно, именно Генон первым совершает интеллектуальный переход за грань атеизма в сторону «анти-религии» и делает возможным «религиозный конструктивизм».

Таким образом, традиционалистский проект Генона – это проект реконструкции традиции, а значит и религиозного конструктивизма. Традиция и подлинная религия утрачены, любое стремление к их воссозданию – не более чем порождение новых религиозных форм. По Генону, «путь вспять» невозможен, однако, именно он формулирует подобное движение назад как ценность. В итоге, традиционалистский проект оборачивается новой, постмодернистской точкой зрения на религию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 320 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2014. — 160 с.

TRANSLIT

1. Genon R. Ocherki o tradicii i metaphizike / Per. s fr. V.U. Bystrova. — SPb.: Izdatelskaya grupa «Azbuka-klassika», 2010. — 320 p.
3. Liotar J.-F. Sostoyaniye postmoderna / Per. s fr. N.A. Shmatko. — SPb.: Aleteya, 2014. — 160 p.